

- борьбы с терроризмом” [Электронный ресурс]. URL: // <http://usa.people.com.cn/nl/2016/0704/c241376-28022511.html>. (Дата обращения: 10.9.2021).
16. Laura Zhou and Jun Mai, “China, US meet at the Afghan junction; Kabul’s envoy in Beijing says Afghanistan is uniquely capable of bringing the US and China together to help stabilize a war-torn region,” South China Morning Post, 13 May 2017, ProQuest.
17. Ли Кэцян: “Объединение рук для содействия безопасности и процветанию Афганистана и региона - выступление на церемонии открытия четвертой встречи министров иностранных дел Стамбульского процесса по Афганистану” [Электронный ресурс]. URL: // http://news.xinhuanet.com/2014-10/31/c_1113065585.htm (Дата обращения: 10.9.2021).
18. Синьхуанет - Список достижений второго Саммита международного сотрудничества “Один пояс, один путь” (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: // http://www.xinhuanet.com/world/2019-04/28/c_1124425293.htm (Дата обращения: 10.9.2021).
19. Цянь Сюэмэй. Сравнение Китая и помощь Индии в Афганистане.// Китайский Международный стратегический обзор. – 2017. - С. 148-164.
20. Китайская молодежная сеть - Афганистан послал культурные реликвии, чтобы искать убежища в Китае... Реакция китайского народа согрел мир [Электронный ресурс]. URL: // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1600422179589110471&wfr=spider&for=pc> (Дата обращения: 10.9.2021).

УДК 340

Тутаев Илья Васильевич, преподаватель
кафедра теории и истории права и государства
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
TutaevLawyer@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX В. В СООТВЕТСТВИИ С УЛОЖЕНИЕМ КИТАЙСКОЙ ПАЛАТЫ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ¹

Аннотация. Начало отношениям между Россией и Китаем было положено в конце XVII в. Одним из наиболее примечательных документов, в котором содержатся нормы, свидетельствующие об урегулировании русско-китайских отношений, является Уложение китайской палаты внешних сношений. Указанный правовой памятник, прежде всего, направлен на урегулирование правовых отношений в отношении внешних вассалов империи Цин. Вместе с тем возникает вопрос, почему нормы, которые, якобы регулируют русско-китайские отношения, присутствуют в правовом документе подобного рода. В рамках настоящего исследования предпринята попытка ответить на обозначенный вопрос.

Ключевые слова и фразы: империя Цин, Российская империя, история русско-китайских отношений, Уложение китайской палаты внешних сношений, внешние вассалы, монголы.

Tutaev Ilya Vasilyevich, Lecturer
The Department of Theory and History of

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

REGULATION OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE 19TH CENTURY ACCORDING TO THE CODE OF THE COURT OF TERRITORIAL AFFAIRS: LEGAL HISTORICAL ANALYSIS

Abstract. Relations between Russia and China were established in the late 17th century. The Code of the Court of Territorial Affairs is one of the most noticeable documents, which includes norms that allow indicating regulation of Russian-Chinese relations. The mentioned legal monument regulates first of all legal relations that are connected to outer vassals of the Qing Empire. Meanwhile, it is not clear, why norms, which are supposed to regulate Russian-Chinese relations, are presented in the document. The current paper aims to answer this question.

Key words and phrases: the Qing Empire, the Russian Empire, history of Russian-Chinese relations, The Code of the Court of Territorial Affairs, outer vassals, Mongols.

Первый контакт между Россией¹ и Китаем² имел место в конце XVII в. Хотя оба государственных образования не были в состоянии официальной войны, тем не менее, первоначальное взаимодействие между ними выразилось в виде ряда отдельных военных столкновений. Обе стороны в определённый момент смогли прийти к соглашению, что выразилось в подписании Нерчинского договора в 1689 г., основным содержанием которого было установление границ между двумя государствами. Впоследствии был заключён ряд других договоров, регулирующих отношения между двумя империями, среди которых Буринский договор 1727 г, Кяхтинский договор 1727 г. и т.д.

Регулирование отношений между двумя государствами, как со стороны России, так и со стороны Китая, нашло отражение не только в документах международно-правового характера (примеры которых были представлены выше), но и во внутренних нормативно-правовых актах, изданных в каждой из держав. Если рассматривать законодательство империи Цин, то в качестве одного из наиболее примечательных нормативно-правовых актов, в котором содержатся нормы, свидетельствующие о регулировании взаимоотношений с Россией, следует выделить изданный в 1789 г. «Лифаньюань цзэли» (Уложение китайской палаты внешних сношений, далее – «Уложение», «правовой памятник») [1].

Уложение стало результатом многолетней деятельности китайской администрации по упорядочению регулирования правоотношений в отношении «внешних вассалов» («вай фань») империи Цин. Изначально соответствующие отношения регулировались межгосударственными договорами, а затем непосредственно императорскими указами. В 1696 г. был издан «Цааджин Бичиг» (иначе Уложение императора Канси), который представлял собой кодификацию вышеназванных источников права за период с 1629 по 1695 гг. Наконец, в 1789 г. было издано Уложение, которое не только восприняло положения предыдущих нормативно-правовых актов, но и содержало ряд новых норм. При этом указанный правовой памятник впоследствии неоднократно редактировался, дополнялся и имел редакции, соответственно, 1815, 1826 и 1832 гг.

Оценивая содержание Уложения, можно смело заключить, что оно является колоссальным нормативно-правовым актом, в котором нашло отражение регулирование самых разнообразных правоотношений в отношении внешних вассалов Китая: от административных до процессуальных. Вместе с тем в документе можно обнаружить

¹ В рамках настоящего исследования понятия «Россия» и «Российская империя» считаются равнозначными.

² В рамках настоящего исследования понятия «империя Цин» и «Китай» считаются равнозначными.

нормы, в которых отражено регулирование, связанное с взаимодействием с Россией. Указанное обстоятельство позволяет поставить следующий вопрос: почему в документе, целью которого является урегулирование правоотношений, существующих у внешних вассалов, содержатся также нормы, которые относятся к урегулированию отношений с Россией, хотя та, очевидно, внешним вассалом не являлась. Соответственно, целью настоящего исследования является попытка ответить на обозначенный вопрос.

В настоящий момент русскоязычным исследователям доступно два перевода Уложения: Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) [2] и С.В. Липовцева. Примечательно, что нормы, связанные с регулированием русско-китайских отношений, присутствуют исключительно в переводе С.В. Липовцева. В этой связи следует отметить, что указанный перевод в принципе является наиболее актуальным, поскольку о. Иакинфом было переведено Уложение в редакции 1789 г. (т.е. первоначальная редакция), а С.В. Липовцевым – редакция 1815 г. Иными словами, те нормы, которые представляют интерес в рамках настоящего исследования, отсутствовали в первоначальной редакции и были добавлены впоследствии.

Нормы, регулирующие русско-китайские отношения, расположены в шестой части Уложения, именуемой «Сношения с Россией». Вместе с тем необходимо обратить внимание на тот факт, что оригинальный текст Уложения представляет собой сплошной текст, не имеющий даже деления на статьи. С.В. Липовцев, в свою очередь, в рамках перевода провёл работу по систематизации текста, вследствие чего исследуемые нормы оказались сгруппированы в отдельную шестую часть Уложения, что, следует признать, упрощает работу для исследователей.

Шестая часть Уложения состоит из шести глав, имеющих следующее содержание:

1. Мирный договор об открытии взаимной торговли на границах между Россией и Китаем.
2. Взаимные подарки между кяхтинскими чиновниками.
3. Награждения и наказания пограничным дистанционным начальникам, караульным офицерам и нижним воинским чинам.
4. Постановления, относящиеся к границе.
5. О китайцах, идущих для торговли в Кяхту.
6. Постановления, относящиеся к россиянам.

Исходя из содержания вышеназванных глав, представляется возможным их разделение на следующие группы: носящие международно-правовой характер (к которой относится лишь глава I) и носящие национально-правовой характер (к которой относятся все остальные главы II-VI).

Главы II-VI содержат предписания в отношении должностных лиц империи Цин. Так, в главе II установлен порядок действий чиновников в случае получения подарков с российской стороны, в главе III – порядок награждения пограничных начальников, проявивших исправность в исполнении должностных обязанностей, в главе IV определены пограничные территории, в главе V установлены полномочия начальников застав на проверку китайских купцов, направляющихся в Кяхту, и, наконец, в главе VI установлен порядок действий должностных лиц в случае обнаружения российских подданных, перешедших границу в нарушение закона. Анализ вышеназванных норм позволяет с полной уверенностью отнести их к нормам внутреннего правового регулирования, а потому непосредственно русско-китайские отношения они не регулируют.

Совершенно иную картину можно наблюдать при анализе главы I, которая очевидно носит международно-правовой характер. Так, в § 1 указанной главы указывается, что «со дня утверждения сего договора», как Россия, так и Китай, «дадут строжайшие предписания подвластным своим правительствам, чтобы они, сохраняя свято и ненарушимо взаимное согласие и держась точного смысла постановлений о границах, управляли подчиненными своими сообразно с оными, разумя сие в строгом смысле, и

тем предупреждали все то, что только будет клониться к нарушению взаимной дружбы». В § 2 установлен правовой статус беглецов, как до «утверждения сего договора», так и после его утверждения. В § 3 определены государственные границы обеих империй, а также порядок действий при обнаружении лиц, незаконно перешедших границу. В § 4 установлено регулирование торговли между подданными России и Китая. В § 5 определён правовой статус Российского дома, находящегося в Пекине. В § 6 установлен порядок направления посылаемых листов в правительства обоих государств. В § 7 сторонами определена нейтральная территория. В § 8 определены принципы рассмотрения дел пограничными начальниками обоих государств и правовые последствия их несоблюдения. В § 9 установлен порядок приёма послов/посланников. В § 10 установлено регулирование отношений, возникающих в связи с переходом границ подданных каждого из государств в целях грабежа и разбоя. Наконец, § 11 носит заключительный характер и указывает, каким образом «сей договор» был утверждён. Международно-правовой характер вышеназванных норм представляется очевидным, поскольку они однозначно устанавливают взаимные права и обязанности двух суверенных государств.

С другой стороны, правовая природа Уложения такова, что оно является нормативно-правовым актом национального права. Соответственно, на первый взгляд может показаться, что наличие в правовом памятнике положений международно-правового характера попросту противоречит его правовой природе. Принимая во внимание внешнеполитическую доктрину традиционного Китая, которая выражается в том, что Китай является универсальной монархией с единственной и всеохватывающей властью над всем земным пространством [3, 162], можно попробовать предположить, что рассматриваемая шестая часть Уложения была попыткой распространения его действия на Россию. Однако указанное предположение представляется несостоятельным ввиду того, что Россия не являлась «внешним вассалом» империи Цин и взаимодействие с ней осуществлялось либо на основании договоров, либо на основании императорских указов.

Ответить на поставленный в рамках настоящего исследования вопрос позволяет Кяхтинский договор от 21.10.1727 (далее – «Кяхтинский договор», «Договор») [4, 17-22]. Если сравнить положения главы I шестой части Уложения, состоящей из 11 параграфов, с положениями Договора, который аналогично состоит из 11 статей, то можно обнаружить, что их содержание полностью идентично, если не обращать внимания на несущественные текстуальные различия, причём содержание конкретного параграфа главы I шестой части Уложения идентично аналогичной статье Договора. Так, например, и § 4 главы I шестой части Уложения, и ст. 4 Договора устанавливают порядок регулирования торговли между Россией и Китаем. Следовательно, можно заключить, что в текст Уложения был инкорпорирован текст Кяхтинского договора от 21.10.1727.

С учётом вышесказанного возникает вопрос иного рода: зачем китайскому законодателю было необходимо дублировать положения Договора, притом, что он должен был действовать вне зависимости от его включения в Уложение? Дополнительную неясность вносит тот факт, что в первоначальной редакции Уложения от 1789 г. текст Договора не содержался, что свидетельствует о том, что в какой-то момент законодатель посчитал необходимым включить содержание Договора в новую редакцию правового памятника.

Для того чтобы разрешить возникшую проблему, необходимо обратиться к правовой природе самого Уложения. Так, правовой памятник, как уже было указано ранее, распространял своё действие на внешних вассалов империи Цин. К таковым относились монгольские племена, которые проживали на территории между Россией и Китаем. Имея в виду указанное обстоятельство, можно попробовать выдвинуть предположение, что текст Кяхтинского договора был инкорпорирован для того, чтобы распространить его прямое действие на монгольских внешних вассалов. Вместе с тем причины, по которым китайский законодатель поступил соответствующим образом, не представляются очевидными, ввиду отсутствия источников, которые бы позволили ответить прямо на этот

вопрос. Остаётся только предполагать, что либо монгольские вассалы осуществляли деятельность в нарушение положений Договора, что вызвало необходимость во введении прямых норм, либо законодатель преследовал превентивную цель во избежание потенциальных нарушений, которые могли бы иметь место со стороны монгольских вассалов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, анализ содержания текста Уложения китайской палаты внешних сношений, регулирующего, прежде всего, правоотношения в отношении внешних вассалов империи Цин, можно обнаружить нормы, которые свидетельствуют о регулировании русско-китайских отношений и носят очевидный международно-правовой характер. Однако учитывая правовую природу Уложения и статус России, как он воспринимался Китаем, невозможно утверждать, что Уложение должно было непосредственно регулировать русско-китайские отношения. Поскольку содержание главы I шестой части Уложения полностью идентично Кяхтинскому договору от 21.10.1727, можно выдвинуть гипотезу, что содержание Договора было инкорпорировано в текст Уложения для того, чтобы распространить его прямое действие на монгольских внешних вассалов. Дальнейшие исследования могут пролить больше света на обозначенный вопрос.

Литература:

1. Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчж. С.В. Липовцев. Т.1-2. – СПб., 1828.
2. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. – СПб., 1828. – С. 203-339.
3. Духовная культура Китая. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. – М., 2009. – 935 с.
4. Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. – М., 1958. – 142 с.

УДК 811.581

Урывская Татьяна Александровна, преподаватель
Кафедра китайского, вьетнамского, тайского и
лаосского языков
МГИМО МИД России
t.uryvskaya@my.mgimo.ru
Стрельникова Елена Сергеевна, студент 4 курса
ИИЯ РУДН
strelnikova.lola@outlook.com

ОШИБОЧНЫЕ ИЕРОГЛИФЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КОНТАМИНИРОВАННОЙ РЕЧИ В КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются контаминированная речь и ошибочные иероглифы как способ ее реализации на письме. Изучение такого явления как ошибочные иероглифы не только позволило авторам понять его суть и механизмы реализации в письменной речи, но определить его лингвопрагматическую функцию — выражение контаминированной речи. Источником примеров, подтверждающих выводы авторов, стали цитаты из художественного произведения и его перевода на китайский язык. Авторы пришли к выводу, что в языках с алфавитной письменностью контаминированная